

Под куполом защитного барьера Сюй Яньци устроился прямо на земле. Остальные расселись по обе стороны от него, образовав вокруг костра ровный круг.

В отличие от воодушевленных спутников, Яньци созерцал этот импровизированный «костер» с абсолютно каменным лицом.

Впрочем, назвать его костром можно было лишь с натяжкой. Перед ними плясала искусная голограмма: и треск поленьев, и исходивший жар казались до того натуральными, что от настоящего огня эту иллюзию отличала лишь ее виртуальная природа.

Чуть ранее, едва услышав слово «пожар», Сюй Яньци в панике выскочил наружу прямо босиком, забыв обо всем на свете. И лишь разглядев искусственные сполохи, он сообразил: в их группе, помимо него самого, есть двое военных.

Простым знаменитостям подобное было невдомек, но командир Тао Мэнбай и ее заместитель Ли Чжэ прекрасно знали негласный закон первопроходцев: «Разведешь на планете огонь — проведешь остаток дней за решеткой».

Осознав глупость своего порыва, Сюй Яньци замер поодаль от виртуального пламени. Он с силой провел ладонью по лицу, словно стирая наваждение, и так усердно потер виски, что на коже проступили багровые полосы.

Опустив руки, он уперся ладонями в бока и шумно, на полные легкие выдохнул.

Это напряжение копилось в нем с самого старта экспедиции, и лишь теперь его наконец отпустило.

Следом за ним из жилого модуля вышел Ци Мо.

Этот человек словно читал его мысли. Он быстро нагнал Сюй Яньци, остановился рядом и, ободряюще коснувшись его плеча, негромко произнес:

— Не переживай. Перед вылетом мы все прошли инструктаж.

Яньци разом расслабился. Он растерянно моргнул, облизнул пересохшие губы и кивнул. Но стоило тревоге уйти, как навалилась жуткая усталость. Сюй Яньци уже собирался под благовидным предлогом улизнуть обратно в каюту и пропустить эти посиделки у костра, как его заметил Ли Чжэ.

Жизнерадостный заместитель командира тут же подскочил к нему и, бесцеремонно схватив за руку, потащил к кругу:

— Учитель Сюй, а вот и вы! Как раз вовремя — костер только разгорелся. Ци Мо обещал вас привести, и надо же, не обманул!

Ли Чжэ обернулся и замахал оставшемуся позади певцу:

— Ци Мо, давай шустрее! Какая же вечеринка без тебя?

Сюй Яньци, все еще пребывавший в легком ступоре, безропотно шел следом.

«Еще бы он меня не привел, — горько усмехнулся он про себя. — При слове „пожар“ я бы и из могилы встал»

За этими размышлениями он напрочь забыл, что нужно вырваться и отказаться.

Очнулся он, только когда его усадили на землю — кто-то дружески, мягко, но настойчиво надавил ему на плечи. Ребята наперебой здоровались с ним.

Всю дорогу Сюй Яньци придумывал веские отговорки, но так и не успел вставить ни слова. В конце концов ему оставалось лишь утешать себя нехитрой мыслью.

«Ладно, раз уж пришел, посижу. Заодно подумаю о скорой пенсии»

Стоило ему усесться, скрестив ноги, как подоспел Ци Мо. Он занял последнее свободное место прямо напротив, так что лицо Яньци оказалось у него как на ладони.

Сидевшая бок о бок с ним Су Хэ первой обратила внимание на его босые ноги. Наклонившись к самому уху Яньци, она негромко спросила:

— Учитель Сюй, а где ваша обувь?

Тот опустил взгляд. Действительно, босой. Посмотрев на свои пальцы, Сюй Яньци вспомнил давешний переполох, прикинул, как нелепо будет выглядеть правда, и решил прибегнуть к невинной лжи:

— Да я... привык так.

Раз уж Ци Мо упомянул их общую подготовку перед полетом, показывать недоверие к профессионализму коллег было некрасиво — еще обидятся, чего доброго. Да и портить атмосферу в первый же вечер Сюй Яньци не хотелось.

Су Хэ, трепетно относившаяся к здоровью и закаливанию, лишь недоуменно моргнула. Ей

хотелось поспорить, но она побоялась показаться навязчивой. Она приоткрыла рот, замялась, но забота все же взяла верх:

— К ночи здесь сильно холодает, берегите себя, Учитель Сюй. Вы ведь наш главный оплот.

— Разумеется, — поспешно закивал он. — Больше такого не повторится.

Су Хэ удовлетворенно улыбнулась и спросила, не хочет ли он вернуться в каюту и обуться. Но Сюй Яньци покачал головой: если он сейчас уйдет, то точно найдет повод не возвращаться.

Су Хэ больше не настаивала, а когда кто-то из ребят бросал удивленный взор на его босые ступни, она сама деликатно переводила тему, выдумывая забавные оправдания.

Когда все устроились поудобнее, Сун Бинь включил камеру. Для начала он произнес короткое приветствие, а затем, пользуясь случаем, объяснил зрителям, чем грозит разведение открытого огня на чужих планетах, вскользь упомянув статьи Межзвездного сетевого кодекса и причины столь жестких ограничений.

Суть запрета сводилась к сохранению первозданной экосистемы. Именно из-за этого испытателям планет приходится сидеть на диете из питательных растворов — ведь готовить горячую пищу на костре строгойше запрещено.

Покончив с официальной частью, Сун Бинь весело улыбнулся:

— Что ж, серьезный инструктаж позади, перейдем к неофициальной программе нашего вечера! Как говорится, делу время, а потехе — час. И откроет наш импровизированный концерт звезда популярной группы ICE — Вэнь Сяоцзюнь! Встречайте ее зажигательный уличный танец вашими аплодисментами!

Сяоцзюнь лихо растопила лед своим динамичным выступлением, а следом за ней на импровизированную сцену вышла Су Хэ с классической арией из пекинской оперы «Му Гуйин принимает командование». В отличие от молодежного хип-хопа, этот жанр Сюй Яньци понимал куда лучше — по крайней мере, предание о великой воительнице Му Гуйин было ему хорошо знакомо.

Он и представить не мог, что эта хрупкая, кроткая в общении женщина способна перевоплощаться в столь грозную и величественную героиню. Голос Су Хэ звенел металлом, заставляя затаить дыхание. В этот же вечер Яньци узнал, что она происходит из старинной актерской династии — почти все ее родственники посвятили жизнь традиционному театру.

Вокруг костра воцарилось всеобщее оживление. Пользуясь моментом, Сун Бинь попросил Су Хэ рассказать немного об искусстве пекинской оперы, чтобы просветить зрителей трансляции.

Су Хэ охотно пошла навстречу. Однако если о самом спектакле она рассуждала с горящими глазами, то при упоминании семьи ее лицо на миг словно подернулось тенью.

Это мимолетное замешательство промелькнуло так быстро, что его запечатлел лишь бесстрастный объектив камеры — никто из сидевших у костра ничего не заподозрил.

Когда Су Хэ закончила, Сун Бинь не стал вызывать кого-то конкретного, а предложил остальным проявить инициативу. Сюй Яньци не спешил вызываться. Он молча наблюдал за оставшимися участниками, переводя взгляд с одного лица на другое.

Едва он обвел всех ленивым взглядом, как командир Тао Мэнбай поднялась на ноги, увлекая за собой Ли Чжэ:

— Раз уж наши прекрасные дамы закончили, а мы с Ли Чжэ обделены изящными талантами, то покажем почтенной публике и зрителям по ту сторону экрана основы армейского рукопашного боя. Не судите строго!

Сюй Яньци приободрился. Предыдущие номера, бесспорно, были великолепны, но для человека, обделенного тонким художественным вкусом, они оставались чем-то из разряда абстрактного искусства — посмотреть приятно, но умом не постичь. А вот боевые искусства — совсем другое дело.

В работе испытателей планет хорошая физическая подготовка и навыки самообороны были жизненно необходимы и даже входили в ежегодную аттестацию. Пусть Сюй Яньци и уступал в мастерстве профессиональным военным, он прекрасно читал траектории их движений и понимал суть каждого выпада.

На первый взгляд поединок Тао Мэнбай и Ли Чжэ казался равным, но Яньци сразу заметил превосходство командира. Финал не заставил себя ждать: улучив момент, она провела молниеносный прием и эффектно уложила своего заместителя на лопатки.

Стоило военным задать тон, как руку поднял Ван Синьдун. Сун Бинь тут же передал ему слово. Известный актер поднялся, мягко и немного смущенно улыбаясь:

— У меня талантов и того меньше, так что я попробую удивить вас звукоимитацией.

Аплодисменты смолкли, и тишину ночи прорезали удивительно чистые, звонкие трели птиц и стрекот цикад.

Сюй Яньци изумленно распахнул глаза. Если танцы и борьба были делом привычным, то это искусство казалось настоящим чудом. Древний текст из школьного учебника про столичного мастера звукоподражания словно ожил прямо перед ним.

Но стоило ему мысленно восхититься мастерством актера, как благозвучное пение сменилось резким, пронзительным клекотом, который они слышали сегодня днем. Сюй Яньци среагировал мгновенно. Вскочив с места, он вперил тревожный взгляд в темное небо и зычно скомандовал:

— Всем лечь! Закройте уши! Опасность сверху!

Едва прозвучал приказ, как зловещий крик смолк. Сюй Яньци напряженно вслушивался в тишину, ожидая нападения, но вместо этого со всех сторон раздался дружный хохот.

Он растерянно моргнул, и тут до него дошло: это была всего лишь шутка. Ван Синьдун превосходно симитировал крик той самой Черной птицы. Сюй Яньци неловко кашлянул, почесал затылок и попытался сесть обратно. Но стоило взрыву смеха повториться, как он снова застыл, словно натянутая пружина.

Положение вышло глупее некуда. Ни сесть, ни остаться стоять; ни уйти, ни остаться. Он замер истуканом посреди круга, часто-часто моргая от смущения.

После двух конфузов подряд Сюй Яньци чувствовал себя несчастной улиткой, которая едва перенесла грозу и теперь робко пыталась высунуть рожки наружу. Любое неосторожное движение или смешок заставили бы его немедленно забиться обратно в раковину.

К счастью, рядом оказался тот, кто готов был прикрыть его от насмешек и разрядить обстановку. Этим спасителем вновь стал Ци Мо.

Он первым зааплодировал, искренне восхищаясь:

— Брат Дун, ну ты даешь! Услышать этот крик всего раз за день и так точно его воспроизвести — невероятно!

Заметив замешательство Сюй Яньци, остальные тут же подхватили реплику Ци Мо. К тому же талант Ван Синьдуна действительно заслуживал похвалы, так что восторги ребят были вполне искренними.

Тот лишь скромно отмахнулся:

— Да ладно вам. В детстве мы жили бедно, на кружки и секции денег не водилось. Вот я со скуки и баловался в свободное время, подражая всему вокруг. Так, баловство одно, глупости... Рад, если смог вас позабавить.

Его искренность подкупала. Коллеги понимающе заулыбались, отвесили еще пару комплиментов и перевели разговор на другую тему. Воспользовавшись моментом, Су Хэ легонько потянула Сюй Яньци за край рукава, безмолвно предлагая ему наконец присесть.

Сун Бинь поспешил разбавить неловкость добродушной шуткой:

— Огромное спасибо нашему Дун-дуну за это потрясающее выступление! Думаю, явись сюда настоящая Черная птица, она бы сама не на шутку перепугалась, услышав столь грозного соперника.

Затем ведущий повернулся к певцу:

— Ну а теперь уступим сцену нашему Небесному царю Ци Мо! Он исполнит заглавную композицию нашего шоу «Будни испытателей планет» под названием «Светлячок». К слову, слова и музыку к ней он написал сам! Встречайте!

Сюй Яньци все еще горел от стыда, но при мысли о том, что сейчас будет петь Ци Мо, отбросил лишние мысли и приготовился слушать.

Певец остался сидеть на своем месте. Без музыки, без какого-либо аккомпанеента его чистый, сильный голос зазвучал над притихшей поляной, улета в темную высь.

Отсутствие аранжировки ничуть не портило впечатление. Напротив, оно лишь подчеркивало безупречную технику и редкий природный дар исполнителя.

И чем дольше Сюй Яньци вслушивался в эту мелодию, тем серьезнее и задумчивее становилось выражение его лица.

<http://bllate.org/book/18362/1772022>